

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНей ПОЛИТИКИ

УДК 94"1558/84"

Русско-шведские переговоры
об обеспечении безопасной морской торговли
в Балтийском море (1558–1562 гг.)

Савва Г. Васильев

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, sv@mailstop.ru*

Аннотация. В статье предпринята попытка рассмотрения внешней политики Ивана IV Васильевича относительно обеспечения безопасности российской морской торговли с иностранными державами. Несмотря на первостепенную для царя сухопутную войну с Ливонией и Речью Посполитой (1558–1584) и необходимость решения судьбы ливонских земель, немалое внимание уделялось в те годы и балтийскому вопросу. В данной статье, как на примере подобной политики, автор сосредотачивается на усилиях Ивана IV Васильевича по обеспечению безопасной и стабильной морской торговли со Швецией в Балтике. Рассматривается дипломатическая переписка Ивана Грозного с королями Швеции Густавом Вазой и Эриком XIV по вопросу обеспечения безопасности морских коммуникаций в Балтийском море. Поводом для двухстороннего разбирательства стало очередное нападение ревельских пиратов на русских купцов в шведских водах, а также проявленное шведским наместником порта Выборг неуважение к потерпевшим. В результате этого инцидента принятное государем решение о переносе российской международной балтийской торговли в Нарву из шведского порта Выборга стало серьезной мотивацией для шведских королей как для вступления в переговоры, так и для применения впоследствии радикальных мер против новой «нарвской навигации» в Балтийском море.

© Васильев С.Г., 2025

Данный диалог со шведской стороной следует считать продолжением начатой еще при Иване III внешней политики по обеспечению и закреплению гарантий прав русских торговцев в странах, имеющих выход к Балтийскому морю. Самы переговоры и их результаты представляются интересным для исследования внешнеполитическим опытом Российского государства в осознании и укреплении своей роли в Балтийском море.

Ключевые слова: Ливонская война 1558–1583 гг., Балтийское море, русское торговое мореплавание, русско-шведские отношения

Для цитирования: Васильев С.Г. Русско-шведские переговоры об обеспечении безопасной морской торговли в Балтийском море (1558–1562 гг.) // Молодой Историк. 2025. № 3. С. 104–118.

Russian-Swedish negotiations on security safe maritime trade in the Baltic Sea (1558 – 1562)

Savva G. Vasiliev

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, sv@mailstop.ru*

Abstract. This article attempts to define the conscious Baltic maritime policy of Ivan IV Vasilyevich. Despite the land war with Livonia and Polish-Lithuanian Commonwealth (1558–1584), which was of higher priority for Ivan IV Vasilyevich, and the need to decide the fate of the Livonian lands, considerable attention was paid to the Baltic issue in those years. As an example, the author cites the efforts of Tsar Ivan IV Vasilyevich to ensure safe and stable maritime trade with Sweden in the Baltic. The article examines the diplomatic correspondence between Ivan the Terrible and the kings of Sweden Gustav Vasa and Eric XIV about how to ensure the security of sea communications in the Baltic Sea. The reason for the international investigation was yet another attack undertaken by Reval pirates on Russian merchants in Swedish waters and the disrespect shown by the Swedish governor of the Vyborg port. As a result the decision of the Tsar to transfer Russian international Baltic trade from the Swedish port of Vyborg to Narva became a serious motivation for Swedish kings to enter negotiations and

to apply radical measures against the new “Narva navigation” in the Baltic Sea thereafter. This dialogue with Sweden should be considered a type of foreign policy initiated by Ivan III to ensure and consolidate guarantees of Russian merchants' rights in the Baltic Sea countries. The negotiations themselves and their results seem to be a challenging foreign policy experience undertaken by the Russian state and worth investigating to understand and strengthen its role in the Baltic Sea.

Keywords: Livonian War of 1558–1583, Baltic Sea, Russian merchant shipping, Russian-Swedish relations

For citation: Vasilev, S.G. (2025), Russian-Swedish negotiations on security safe maritime trade in the Baltic Sea (1558–1562), *Young Historian*, no. 3, pp. 104-118.

В последнее время в современной историографии исследователи часто дискутируют относительно наличия или отсутствия Ивана Грозного обрести выход к Балтийскому морю в результате войны с Ливонией. Анализируя существующие в отечественной историографии дискурсы о Ливонской войне (1558–1584), отечественный историк А.Ю. Филюшкин в своей монографии, разбирая «балтийский вопрос», допустил сомнение в самой необходимости Российскому государству добывать себе выход в Балтийское море, если он к 1558 г. уже у нее был. Исследователь при этом отмечает и слабое развитие русских городов на балтийском побережье как торговых центров, принижая их значение и степень заинтересованности царя и его верноподданных в развитии морской торговли [Филюшкин 2013, с. 605–607].

С данной позицией совершенно не согласен историк П.А. Кротов, рецензент вышеуказанной книги о Ливонской войне. Обвиняя автора в умышленной «мистификации балтийского вопроса» и предшествующей историографии эпохи царя Ивана IV, он указывает на упущение существующей на тот момент времени постоянной угрозы русской морской торговле со стороны прибалтийских государств XV–XVI вв. Строящиеся поселения на прибалтийском побережье постоянно подвергались разорению. Русские торговцы в иностранных портах не были равны в правах

ганзейским и ливонским коллегам и подвергались ущемлению. По мнению рецензента, «фактически существовал запрет на русское судоходство со стороны городов Ганзейского союза и Швеции» [Кротов 2017, с. 403].

Доводы обоих историков кажутся обоснованными. Действительно, справедливо замечание А.И. Филюшкина о том, что Ливонская война не была задумана с целью обретения выхода к морю. Изначально взятие Нарвы и ее порта, как и борьба за всю Ливонию, носили скорее «сакральный» характер, подразумевая разрешение многовековой борьбы между Ливонией и Русью. Само взятие города произошло стихийно. Нарва не была главной целью похода русских войск, но ее взятие виделось исторически необходимым [Филюшкин 2007, с. 160]. С точки зрения исследователя, данная война для Московского государства – захват новых территорий, после чего следовали поместные раздачи.

Помимо общей оценки историком состояния возможностей русского торгового судоходства, автор провел и лексический анализ русских документов тех лет. Так, он пришел к выводу о непонимании царем и его ближайших соратников самого концепта «морских владений», необходимости добиваться морского могущества и осваивать моря [Филюшкин 2013, с. 609]. А.И. Филюшкин последовательно настаивает на том, что сама угроза «утверждения московита на море» в те годы была заметным преувеличением и фобией европейцев, Речи Посполитой в первую очередь. Ее «летучие листки и списки», распространяемые в Священной Римской империи – самый наглядный источник подобных страхов [Филюшкин 2007, с. 169–170].

Тем не менее, справедливо и замечание П. А. Кротова, что Швеция и Ганзейский союз своими регулярными нападениями на российские крепости на побережье и притеснениями российских купцов в своих городах в XIV – XV вв. создали экзистенциальную угрозу для российской морской торговли в Балтийском море [Кротов 2017, с. 403–404]. И, следовательно, проблемы верноподданных царя не могли остаться без его внимания, требуя его защиты и покровительства. Конечно, это не привело к развитию российского военного флота, но данные проблемы, попытки их решения нашли отражение в дипломатических

усилиях российских государей. Результатом стало внесение статьи в договор с Ганзой 1487 г. о гарантиях обеспечения безопасности русских торговцев-мореходов, в 1491 г. Иван III потребовал того же от Ливонии и добился внесения этого пункта в договор 1493 г. В 1494 г. удалось достичь соглашения с Данией о предоставлении свободы передвижения по морю торговцам обеих стран. При Василии III по договору 1517 г. удалось добиться открытия торгового двора для русских купцов в Копенгагене, для датских – в Ивангороде и Новгороде. Хотя, конечно, окончательно решить проблему с ущемлением прав мореходов это не помогло [Кротов 2017, с. 404–405].

В этом контексте, разумеется, интересна и дипломатия царя Ивана IV Васильевича, чему и посвящена настоящая статья. Нам кажется уместным сосредоточить внимание на дипломатической переписке царя с государствами Швеции, в которой явно нашло свое отражение желание российского государя обезопасить русских торговцев на Балтийском море в пределах иностранных владений.

Стоит обратить внимание на предпосылки проблемы, ставшей одной из основных тем для дипломатической переписки 1559–1562 гг. Города Ганзейского союза же к середине XVI в. утрачивали свои позиции и крайне тревожно об этом отзывались. Значительное давление на них окказал царь Иван III, в марте 1494 г. лишив ганзейцев последних привилегий. Осенью того же года, за издевательства над русскими купцами в Ревеле, которых местные торговцы систематически отказывались признавать равными в правах себе, был закрыт Ганзейский двор в Новгороде. Строительство с 1492 г. крепости и морской пристани Ивангорода на балтийском побережье было расценено как угроза не только со стороны шведов, отправивших военную экспедицию к Ивангороду в 1497 г., но и со стороны Ганзы. Так историк П.А. Кротов приводит письмо от 1508 г. с жалобой городского совета Данцига городскому совету Любека и на «Новую Нарву», указывавшего на соседство «старой» Нарвы с Ивангородом, и на торговый порт в Копенгагене. Отмечалось, что учреждены эти города «для гибели многих городов и в особенности ливонских» [Кротов 2017, с. 404].

Однако впоследствии, уже после нормализации отношений Швеции и Дании с Москвой к 1514 г., Ганза не смогла отказаться от

восстановления торговали с русскими купцами, присоединяясь к развивающейся международной торговле в Ивангороде. Регулярные коммуникации были относительно восстановлены [Шумилов 2006, с. 205].

Ливонская война же внесла серьезные корректизы как для Ганзы, так и для остальных участников балтийской торговли в принципе. В 1558 г. войска Московского государства берут под контроль Нарву. Нельзя в очередной раз не согласиться с А.Ю. Филюшкиным, что сам город не был ключевой целью войны царя с Ливонией, однако нельзя не отметить быстро возросшее значение Нарвы как международного торгового центра. Невозможно проигнорировать и внимание, оказанное купечеству Нарвы Иваном IV, который предоставил право самоуправления, свободу вероисповедания и право на беспошлинную покупку товаров на основных рынках России.

Скоро в Нарву, несмотря на попытки Любека не афишировать свою торговлю в этом городе, стали прибывать английские, французские и иные купцы [Шумилов 2006, с. 205]. С этого момента начинается история многострадальной «нарвской навигации». Во многом ее начальный успех был обеспечен и сменой приоритета в выборе перевалочного пункта ганзейскими купцами. Ревель, в котором любчане торговали до 1558 г., оказался на передовой линии, под постоянной угрозой осады и взятия со стороны Москвы, в то время как Нарва уже была в тылу боевых действий, ей ничто не угрожало [Филюшкин 2007, с. 167].

Печальным в этом контексте оказалось положение другого ганзейского города, ливонского Ревеля. Ливонский хронист Балтазар Рюссов в главе с характерным названием «Как погибала ревельская торговля» отмечал про своих соплеменников следующее: «...ревельские купцы и бургеры ставили в розовом саду, и на валах и печально смотрели, как неслись корабли мимо города Ревеля в Нарву <...> Ревель стал пустым и бедным городом <...> ревельские купцы на свой собственный счет и риск снарядили несколько кораблей с орудиями, чтобы нападать на любчан и мешать им ездить в Нарву...»¹. Строки этой хроники же

¹ Рюссов Б. Ливонская Хроника // Сборник материалов и статей по истории Прибалтийского края. Том 2. Рига, 1879. С. 383–384.

подтверждаются опубликованными архивными актами Ревельского архива, пестрящими отписками царских воевод «колыванским ратманам», в которых содержатся жалобы русских купцов на учиненный «колыванскими немцами» разбой и просьбы оказать содействие в помощи пострадавшим и наказании виновников². Стоит отметить, что подобные отписки регулярно отправлялись и до 1558 г. Показательны часто встречающиеся сюжеты в документах 1540-х гг. о банде морских разбойников Мартина Безрукого³. Ревельские власти, конечно, до возникновения «нарвской навигации» пиратов еще не нанимали, но и своих земляков явно не торопились ловить. Таким образом, Ревель, желая после 1558 г. вернуть былую торговую конъюнктуру, прибегнув к найму пиратов, сам по себе сделался большой угрозой местному судоходству, угрожая как русским купцам, так и их торговым партнерам.

Проблема «колыванских разбойников» стала клином между интересами Московского государства и Швеции, только восстановивших торговые отношения после войны 1554–1557 гг. и установивших между собой мирное соглашение, скрепленное крестным целованием, обязавшее страны навести порядок на границе и «на водах». Так в 1559 г., помимо случая, когда ливонцы напали на корабль русских купцов «воинским обычаем» и «их до однова человека в воду пометали», стало известно о намерениях ревельцев, собравшихся «в одно место с кораблями и яхтами» напасть как на прибрежные поселения от Орешка до Яма, так и «... пограбити и убити хотели и всех тех торговых людей, которые хотели к Выборгу ... с товары ехати»⁴.

Интересно, что первыми по этому поводу к Ивану IV и его наместникам обратились шведский король Густав Ваза и его сын

² Русские акты Ревельского городского архива / под редакцией Александра Барсукова. Санкт-Петербург, 1894. Стлб. 124–126, 135–136, 141–144, 145–146.

³ Русские акты Ревельского... Стлб. 59–60, 107–108.

⁴ Памятники дипломатических сношений Московского государства с Шведским государством // Сборник Российского Исторического Общества. Т. 129. СПб., 1910. С. 56–59.

Юхан III⁵ в 1559 г. В грамоте от шведского короля, которую согласно посольской книге вместе с грамотой его сына царь заслушал 10 сентября, помимо вышеуказанного, российского государя извещали и о попытке Ревеля склонить шведского короля к поддержке своих пиратов, прося их не задерживать. Но Густав, напомнив о своей верности недавно заключенному миру, в подобной просьбе отказал. Юхан III в своей же грамоте, адресованной боярину и воеводе Михаилу Васильевичу Глинскому, и вовсе попросил бояр и наместников на контролируемом Россией побережье Финского залива оказать содействие «служилым людям» шведского государя, которым прикажут «помешати ливонцам их зло»⁶.

Такие попечительство и тревога о русских купцах со стороны шведов объяснялись выгодами, которые Швеция получала как от торговли на российских рынках, так и особенно от посредничества в торговле России с иными купцами в контролируемом шведами Выборге. Исследуя состояние русско-шведской торговли в XVI в., историк Г.А. Новицкий при анализе шведской историографии обратил внимание на повышенный интерес короля Густава Вазы к расширению торговых связей с Россией и установлению исключительных прав в торговле с Россией⁷. Историк прямо полагает, что король «пытался перетащить русскую торговлю от Ревеля к Финляндии», в то время как русские купцы получили выгодную альтернативную возможность в обход Ливонии торговать с европейскими державами [Новицкий 1957, с. 39].

Историк обратил внимание и на положение Выборга как важного и перспективного «перевалочного пункта» для русских торговцев. По донесениям Густаву Вазе наместника короля в Выборге Клауса Кристерссона во втором полугодии 1558 г. в порт

⁵ В тот момент Юхан III «высокородный князь... вотчинный князь, князь Финских земель».

⁶ Памятники дипломатических споров... С. 59.

⁷ Со ссылкой на финского историка Э. Хорнборга и шведского А. Аттмана. Привилегией шведских купцов в России было право беспрепятственной торговли с Ираном, Индией и Китаем. См. подробнее: [Новицкий 1957, с. 40].

в среднем приходило 25 русских лодок, в первом полугодии 1559 г. – 86 лодок. Швеция только выигрывала от растущего за счет роста объема торговли дохода от накладываемых таможенных пошлин [Новицкий 1957, с. 43].

В ответе же на шведские королевские грамоты 1559 г. Иван Грозный поблагодарил шведского короля за проявленную заботу и «исправление» и в то же время передал королю дошедшие до него жалобы новгородских купцов: «...их пограбили колыванские немцы на твоем Финском протоке и твои люди тех колыванских людей поимав привели к твоему выборскому намеснику Клаушу да и те животы к нему ж привезли, что колыванцы у наших купцов взяли». Вот только наместник отдал «животы несполна». Поэтому царь потребовал «безволокитно» вернуть новгородцам отбитое у пиратов имущество в полном объеме, «что бы наши купцы в убытке не были, и мир бы и дорога купцом за то не рушилася»⁸.

Последовало разбирательство на высшем государственном уровне, затянувшееся на долгие года. В январе 1560 г. к царю явился посланник с новой грамотой, где король, прислушавшись к «советованию» своих купцов, спрашивал о причинах «переложения» торговли из Выборга в Ругодив⁹. Иван IV же в ответной грамоте, помимо дозволения торговать людям Выборга и Нарвы, указал на следующее: «...наши гости и купцы и всякие торговые люди били нам челом что им в Выборге от твоих людей и в морском проходе береженья нет...»¹⁰. Конкретной причиной «сведения» торговли в Нарву, «чтоб <...> ссоры не было <...> перемирные грамоты не рушились», могло стать и донесение «смолянина Федка Першина» о том, что упоминаемый ранее Клаус Кристерссон в Выборге «велел грабити и безчествовать»¹¹. Пришлось государю напомнить и о иных пострадавших от выборгского наместника, обвиняемого также в присвоении части отбитого у пиратов товара себе, т. к. Густав Ваза никакого ответа относительно удовлетворения жалоб русских купцов не дал.

⁸ Памятники дипломатических сношений... С. 61.

⁹ Устаревшее название г. Нарва.

¹⁰ Памятники дипломатических сношений... С. 72.

¹¹ Там же.

В июле 1560 г. посланник вернулся с королевским ответом. В грамоте король сообщил, что «однолично» ознакомил выборгского наместника и иных подданных, на кого пришли жалобы от русских купцов. Они доложили, что в убытках неповинны. Также король донес до сведения царя, что «великие» убытки от «колыванцев» на море понесли и шведы, «несколько тысяч золотых и с корабли, и с товары учинилися». Кроме того, посол Индрек Лаврентьев¹², со слов своего короля, обвинил Федора Першина в умышленной клевете на Выборгского наместника, к тому же прибавив, что убытки остальным купцам будут возвращены, а ливонским разбойникам не будет никакой пощады: многие уже пойманы или будут пойманы. Король через посланника заявил, что ради сохранения мира он собирается своим военным флотом мешать «немецким и датским» людям помогать Ревелю¹³. Иван IV же ответом остался неудовлетворен, т. к. уведомил в своей новой грамоте короля о решении прислать «...тех купцов Федора Першина с товарыщи и тех купцов которым учинились грабежи на твоем протоке...», чтобы они сами изложили королю свою версию произошедшего: «... ты бы тогда их дела сыскал в правду...»¹⁴.

Дело так и осталось незавершенным по окончанию правления Густава Вазы. Вопрос об отнятом имуществе Федора Першина, его брата и иных Новгородских и Смоленских купцов снова был поднят в июле 1561 г., когда в Россию прибыло посольство нового шведского короля Эрика XIV для заключения перемирия на 20 лет. Шведы желали продолжения мира между государствами «как было перемирие отцу его» и восстановления былой торговли¹⁵. Послам же напомнили про нападение пиратов из Ревеля и про то, как выборгский наместник обошелся с купцами. А так-как «Густав король в тех делах управы никакие не учил, и государь наш ... в Свейские земли торговати ездити не велел, а велел им торговати в своем городе Ругодиве»¹⁶. Послы в ответ

¹² Редакторами в скобках оставлено примечание (Larsson)

¹³ Памятники дипломатических сношений... С. 77–78.

¹⁴ Там же. С. 81.

¹⁵ Там же. С. 96.

¹⁶ Памятники дипломатических сношений... С. 98.

сослались на то, что со временем последней отправленной царю грамоты король занемог и потому это дело разрешить не успели.

В связи с этим делом интересно продемонстрированное Иваном IV особое внимание к торговым делам. Когда ему стало известно о результатах переговоров, помимо решения о подготовке новых перемирных грамот, царь приказал своим купцам «ехать в Свейские с мелкими товары, а с воском и с салом и с льном и с посконою ездить не велел»¹⁷. В то же время перемирная грамота, составленная князем, боярином и новгородским наместником Федором Андреевичем Булгаковым, включала пункт и о восстановлении беспрепятственной торговли как для шведских, так и для российских (включая нарвских) купцов¹⁸.

Переговоры затянулись, и подписание мира было отложено. Новый шведский король желал официального признания Колывани, т. е. Ревеля, за Швецией, отказываясь скреплять перемирную грамоту печатью. Кроме того, помимо вопроса о возмещении убытков пострадавшим купцам, произошло несколько пограничных конфликтов, требующих взаимного решения. В июне 1562 г. к шведскому королевскому двору в Стокгольм послами были отправлены Андиакон Федорович Тушин и подьячий Третьяк Сиязев. Король все же подписал перемирие и на нем «щеловал крест», королевские же советники, в свою очередь, попытались разобраться и с делом ограбленных купцов. Установили, что непосредственно сам Клаус Кристерссон не причастен, а виновников, которые ограбили и «бесчестовали» Федора Першина, готовы или казнить в Выборге, или выдать российской стороне. Посол Андиакон, однако, в первую очередь настаивал на необходимости удовлетворения финансовых убытков за счет королевской казны, в т. ч. и новгородских купцов, которых ограбили ревельские пираты. Однако из дипломатической летописи посольских книг не ясно, возвестили ли русским купцам шведы ущерб или нет. Будто Андиакону впоследствии сообщили, что люди, которым король «приказал чинити управу», направлялись в Выборг, но воротились, узнав, что русские купцы покинули город. Андиакон вернулся с грамотой для новгородского

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

наместника князя Федора Булгакова, где шведский король призывал посыпать русских «торговых людей» в Выборг, Стокгольм, Ревель, Пернов и иные места, а шведских – в русские прибрежные города¹⁹.

Эти переговоры, являющиеся примером русско-шведского взаимодействия по обеспечению безопасного судоходства, относительно восстановили русско-шведскую торговлю через Балтийское море. Однако именно в годы правления Эрика XIV сложилась в то же время совсем иная практика по отношению к «нарвской навигации». Историком Г.В. Форстеном в его фундаментальном исследовании по «балтийскому вопросу» вскрыта история последовательной блокады шведским королем Нарвы. С приобретением Ревеля под предлогом борьбы с его пиратами еще в 1561 г. шведы нисколько с местным пиратством не покончили. Наоборот, исходя из обнаруженных в шведских и немецких архивах документах, Эрик XIV договорился с городским советом Ревеля о поддержке военных кораблей Швеции; особой королевской инструкцией от 24 мая 1562 г. они были направлены в нарвский фарватер от «Нюланда до Лифляндии». Флотилии была поставлена задача прекратить хождение иностранных судов как в Нарву, так и из Нарвы. С того момента, как полагал Г.В. Форстен, ревельские пираты при поддержке шведского военного флота особо активно нападали на корабли, идущие в Нарву из Любека, Гамбурга, Ростока и Данцига. Захваченные корабли приводили в порт Ревеля и захваченные трофеи, согласно договору с королем, ревельцы и шведы делили пополам²⁰.

Скорее всего, ревельские пираты и шведский военный флот с этого момента в своих нападениях на море сосредоточились именно на «гостях» российского царя (претензии к шведскому королю не фиксируются, возможно, царь счел дальнейшие переговоры по этому поводу бесполезными). Однако известно о дежурных отписках царских воевод из Нарвы в Ревель, доводящие жалобы «ругодивских немцев», купцов, на «колыванских» немцев,

¹⁹ Там же. С. 120–122.

²⁰ Форстен Г.В. Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544–1648): в 2 т. Т. 1. СПб., 1893. С. 255–256.

пиратов, до сведения властей города в 1565 г.²¹ Со стороны Швеции подобные действия же видятся жестким методом решения своей дипломатической и экономической задачи: свести торговлю в Нарве на нет и вернуть торговлю с Россией в подконтрольные Выборг или Колывань. При этом, действуя таким образом, шведская сторона пыталась не испортить отношения с российской, не угрожая именно русским подданным государя. Впрочем, это не привело к желаемому шведскими королями результату в 1560-х гг.

Таким образом, царь Иван IV Васильевич продемонстрировал ревностную заботу о своих подданных, добиваясь от Швеции гарантий безопасности для своих купцов в шведских водах, тем самым, продолжив усилия Московского государства в обеспечении защиты прав своих купцов в странах Балтийского моря, начатые еще при Иване III. Перенос русской торговли ввиду челобитных русских купцов в Нарву из Выборга вынудил шведское правительство как при короле Густаве Ваза, так и при Эрике XIV добиваться у царя возвращения статуса-кво, а после неудачи и вовсе прибегнуть к изощренным радикальным методам, не изменившим позицию русского царя вплоть до оставления Нарвы в 1581 г.

ЛИТЕРАТУРА

-
- Кротов 2017 – Кротов П.А. Мистификация балтийского вопроса // Вестник Санкт-Петербургского Университета. История. Т. 62. Вып. 2. 2017. С. 400–410.
- Новицкий 1957 – Новицкий Г.А. Вопросы торговли в русско-шведских отношениях в XVI в. // Скандинавский Сборник. № 2. Таллин.: Эстонское Государственное Изд-во, 1957. С.38–46.
- Филюшкин 2007 – Филюшкин А.П. Дискурсы Нарвского взятия // Государство и общество в России XV – начала XX века: сборник статей памяти Николая Евгеньевича Носова. СПб.: Наука, 2007. С. 159–172.
- Филюшкин 2013 – Филюшкин А.П. Изобретая первую войну России и Европы: Балтийские войны второй половины XVI в.

²¹ Русские акты Ревельского ... № 75. Стлб. 135–136.

глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.

Шумилов 2006 – Шумилов М.М. Торговля и таможенное дело в России: становление, основные этапы развития XI-XVIII вв. СПб.: Дмитрий Буланин, 2006. 472 с.

REFERENCES

- Filyushkin, A.I (2013), *Izobretaiia pervuiu voину Rossii i Evropy: Baltiiskie voiny vtoroi poloviny XVII v. glazami sovremennikov i potomkov* [Inventing the first war between Russia and Europe: The Baltic Wars of the second half of the 16th century by eyes of contemporaries and descendants], Dmitry Bulanin Publ., Saint Petersburg, Russia.
- Filyushkin, A.I. (2007), “Discourses of the Narva Capture”, *In Gosudarstvo i obshestvo v Rossii XV – nachala XX reka: sbornik statej pamyati Nikolaya Evgenievicha Nosova* [State and Society in Russia in the XV – Early XX Centuries: A Collection of Articles in Memory of Nikolai Evgenievich Nosov], Nauka Publ., Saint Petersburg, Russia, pp. 159–172.
- Krotov, P.A. (2017), “Mystification of the baltic question”, *Bulletin of Saint Petersburg University. History*, vol. 62, iss. 2, pp. 400–410.
- Novitskii, G.A. (1957), “Issues of trade in Russian-Swedish relations in the 16th century”, *In Skandinavskij sbornik* [Scandinavian collection], no. 2, Estonian State Publishing House, Estonia, USSR, pp. 38–46.
- Shumilov, M.M. (2006), *Torgovlya i tamozhennoe delo v Rossii: stanovlenie, osnovnye etapy razvitiya IX-XVII vv.* [Trade and customs affairs in Russia: formation, main stages of development (9th – 17th century)], Dmitry Bulanin Publ., Saint Petersburg, Russia.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Савва Г. Васильев, студент магистратуры, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия 125993, Россия, Москва, Миусская пл., 6; sv@mailstop.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Savva G. Vasilev, master's student Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125993; sv@mailstop.ru